

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ПИСЬМЕННОСТЬ,
ЛИТЕРАТУРА,
ФОЛЬКЛОР
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ.
ИСТОРИЯ СЛАВИСТИКИ**

XV Международный
съезд славистов

Минск, 20–27 августа 2013 г.

ДОКЛАДЫ РОССИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

МОСКВА «ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ» 2013

*А. А. Гиниус,
С. М. Михеев*

О ПОДГОТОВКЕ СВОДА
НАДПИСЕЙ-ГРАФФИТИ
НОВГОРОДСКОГО СОФИЙСКОГО
СОБОРА *

Изучение древнерусской эпиграфики находится сейчас на подъеме, обусловленном, с одной стороны, резко возросшим уровнем технической оснащенности исследований, а с другой — накопленным опытом изучения не книжной восточнославянской письменности, в первую очередь берестяных грамот. До последнего времени распространение этого опыта на надписи-граффити носило характер поправок к чтению отдельных уже опубликованных текстов [Янин 1992; Турилов 2000; Зализняк 2004б]. Не осознанным в должной мере оставался тот факт, что опубликованные надписи далеко не исчерпывают эпиграфического материала, реально дошедшего до нас от древнейшего, домонгольского периода русской истории. Основные собрания ранней восточнославянской эпиграфики — Софийские соборы Киева и Новгорода — хранят в действительности намного больше древних текстов, чем содержат составившие эпоху в изучении древнерусской эпиграфики книги С. А. Высоцкого [1966; 1976; 1985] и А. А. Медынцева [1978]. Необходимость в составлении новых сводов киевской и новгородской эпиграфики была практически одновременно осознана на Украине и в России. Для древнекиевских надписей эту задачу решает (к сожалению, с явно недостаточным вниманием к лингвистической стороне дела) свод, издаваемый В. В. Корниенко [2010а; 2010б; 2011] ¹.

Алексей Алексеевич Гиниус,

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Москва);

Савва Михайлович Михеев,

Институт славяноведения РАН (Москва).

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-00212а «Подготовка Свода надписей-граффити Новгорода Великого XI–XVII вв. Часть 2».

¹ Ср. рецензию на первый том корпуса: [Бобровский 2010].

Составление свода надписей-граффити средневекового Новгорода призвано решить ту же задачу для территории северной Руси.

В настоящее время в основном завершена подготовка первого тома издания, представляющего собой новую сводную публикацию надписей-граффити Новгородского Софийского собора. Подготовленный свод включает более 700 надписей ², из которых около 450 публикуются впервые. Прочтения многих десятков ранее опубликованных надписей исправлены или дополнены. Свод будет состоять из следующих частей: введение, каталог надписей (надписи в первом этаже, надписи в лестничной башне, надписи в помещениях второго этажа, надписи на внешних стенах собора, надписи, место находки которых не установлено), комментарии (около десяти статей-очерков), приложения (описи архивных материалов, архивные материалы), указатели.

Каждая надпись в своде описывается по единообразному формуляру, включающему следующие пункты: номер надписи, местоположение, место хранения, место и условия находки, фотографии и рисунки, время обследования, эпиграфическое поле, материал, тип надписи, размеры, сохранность, доступность надписи, текст, транслитерация, издания, надписи тем же почерком, язык и графика, перевод, датировка, комментарий. Описание каждой надписи сопровождается фотографиями и специально выполненными прорисовками. В расчете на критику и верификацию предлагаемых чтений параллельно в Интернете будут представлены цифровые фотографии надписей необходимого качества.

Чтобы дать представление о результатах проекта, охарактеризуем вкратце наиболее значительные комплексы надписей и индивидуальные граффити, выявленные впервые в ходе работы над сводом или же прочитанные существенно более полно по сравнению с предыдущими публикациями ³.

² Следует подчеркнуть, что в это число не входят отдельные буквы (если только они не имеют декоративного характера и не представляют интереса для палеографии), а также мелкие фрагменты, не содержащие ни одного надежно читаемого слова.

³ При передаче текста в квадратные скобки заключаются буквы, которые сохранились не полностью и при этом восстанавливаются неоднозначно. Круглыми скобками обозначаются чистые конъектуры. Дефисы ставятся на месте непрочитанных букв (количество дефисов соответствует вероятному количеству букв). Многоточие обозначает неизвестное количество непрочитанных букв. Фигурные скобки обозначают буквы, написанные по ошибке, а угловые — наши исправления или нормализованные записи древнерусских слов.

Зоной наибольшей концентрации надписей-граффити является алтарная часть Софийского собора, а в ней — угол, образованный северной стеной дьяконника и западной стеной прохода из дьяконника в алтарь. В книге А. А. Медынцева опубликованы всего 24 надписи, находящиеся на этих поверхностях (№№ 1–5, 62–80). В действительности их более двухсот — надписи покрывают эти стены сплошным ковром. Особую ценность этому комплексу придает его закрытость — как хронологическая (все находящиеся здесь надписи датируются временем до росписи собора в 1109 г.), так и социокультурная: алтарь собора посещался, если не исключительно, то преимущественно его клириками, которым и принадлежат многочисленные автографы, образующие уникальную по своей плотности «эпиграфическую среду».

Остановимся сначала на двух комплексах надписей, которые во многом определяют общий вид рассматриваемых поверхностей.

Надписи-монограммы. Монограмма как форма надписи крайне слабо представлена в русской эпиграфике XI–XIV вв. Если не считать хризмы — монограммы имени Христа, известные до последнего времени примеры, по сути, ограничивались несколькими опубликованными В. Н. Щепкиным надписями из Софии Новгородской, из которых прочитаны были только две: **Феодоръ** (№ XV по В. Н. Щепкину [1902], № 103 по А. А. Медынцева) и **Ефремъ Суринъ** (№ XXXVIII по В. Н. Щепкину, № 138 по А. А. Медынцева). В итоге проведенного исследования мы располагаем шестнадцатью монограммами (включая две названные), восемь из которых

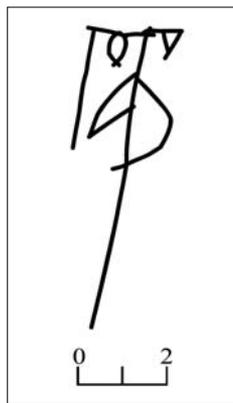

Рис. 1. Монограмма Побрата

находятся на указанных поверхностях в алтарной части собора. Все монограммы кодируют личные имена — как христианские, так и языческие. Некоторые прочитываются без особых трудностей, разгадка других потребовала значительных усилий. К числу первых относятся монограммы простых имен: **Лазоръ** (надпись не публиковалась, но видна на фотографии слепка № II: 8 в статье В. Н. Щепкина), **Ра[д]ько** или **Ра[т]ько**, **Стефанъ** (надпись видна на фотографии рядом с граффито № 22 по А. А. Медынцева), **Лука**. Сложнее декодируются редкие и нетривиальные древнерусские имена: **Поутька** (ср. *Поутковая* в берестяной грамоте № 688, от варианта *Путко*), **Сьбродъ** (№ 27 по А. А. Медынцева;

имя, заставляющее вспомнить былинных спутников Василия Буслаева — семерых «братьев Сбродовичей»), **Ч<ь>рт<ь>к<о>**, **Чижь** (это прозвище несколько раз встретилось в надписях собора). Еще одна монограмма прочитывается как **Побратъ** (рис. 1). Расшифровку этого не засвидетельствованного ранее имени⁴ можно было бы поставить под сомнение, если бы Побрат не оставил на той же плоскости еще двух обычных автографов (один из них — надпись № 76 по А. А. Медынцева). Этот прецедент позволяет предложить прочтение и для чрезвычайно эффектной монограммы, представленной на северной стене дьяконника сразу пятью экземплярами (см. рис. 2) и состоящей из букв (в алфавитном порядке) А, Е, З, Т, Х; мы читаем ее как **Затехъ** (с заменой *ь* → *е*), сопоставляя это имя с фамилией *Затехин* и названием деревни *Затеха* (ср. также топонимы *Утехово*, *Утеховичи* и др., производные от имени *Утхъ*). Своеобразную пару к этой монограмме составляет встретившаяся на той же стене также пять раз фигура, образованная заключенным в круг М и напи-

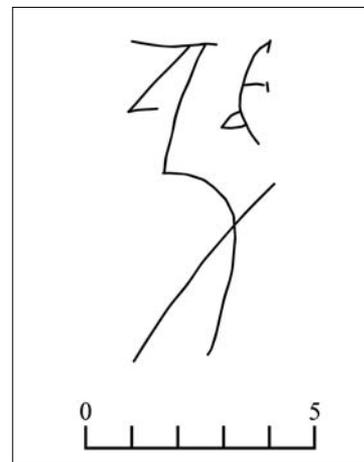

Рис. 2. Монограмма Затеха

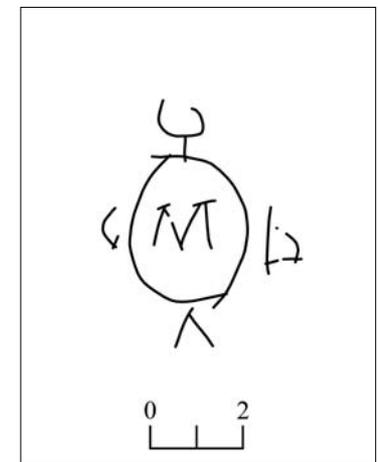

Рис. 3. Монограмма Мечислава

⁴ Ср., однако, польск. *pobrat, pobratek* 'двоюродный брат' [Трубачев 1959: 61], а также рус. диал. *посестра* 'двоюродная сестра' [СРНГ, 30: 152]. Возможность использования терминов родства в качестве личных имен свидетельствуется и глаголическим граффито **Стрьи**, обнаруженном в проеме южной стены южной галереи Софийского собора (см.: [Гиппиус, Михеев 2011: 49–50]). Специально о глаголических надписях Новгородской Софии, число которых, благодаря новым находкам, возросло с 10 до 20, см. [Михеев 2012].

саннами по сторонам круга (против часовой стрелки) буквами Ч, С, Л, В (рис. 3). Единственным правдоподобным решением этого ребуса кажется имя **М<е>ч<и>сл<а>в<ь>**, ранее не встречавшееся в русских источниках, но хорошо известное в Польше. Наконец, замысловатую антропоморфную монограмму (видом напоминающую снеговика) сделал из своего имени и сана **дьяк<ь> Душнь<ь>** (рис. 4), записавший свое имя и отдельно, также в виде монограммы, но более простой (№ IV по В. Н. Щепкину, № 91 по А. А. Медынцевой). Дьяками, т. е. младшими клириками, были, по всей вероятности, и другие авторы монограмм.

Не приходится сомневаться в том, что принцип кодирования личного имени в виде монограммы был занесен на Русь из Византии.

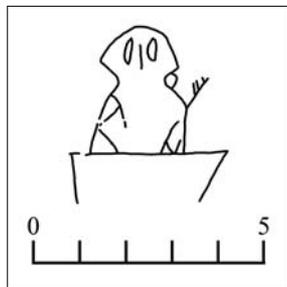

Рис. 4. Монограмма дьяка Душня

В византийской храмовой эпиграфике монограммы — не редкость; некоторое их количество представлено, в частности, среди греческих граффити Константинопольской Софии. Однако главной сферой применения этого графического принципа была, безусловно, сфрагистика: на византийских печатях монограммы встречаются тысячами как удостоверительные знаки государственных чиновников (см. [Seibt 1999]). На русских печатях домонгольского времени монограммы отсутствуют; нет их и на новгородских деревянных цилиндрических

бирках, нередко несущих на себе имена владельцев и неалфавитные личные знаки [Янин 2001: 110–160]. Комплекс монограмм на стенах Софийского собора оказывается таким образом лишен того контекста, в котором монограммы-граффити существуют в византийской культурной среде. Это ставит перед нами вопрос: имеем ли мы дело с побочным проявлением административной деятельности, в которую были вовлечены соборные клирики (о чем см. ниже), или же перед нами, так сказать, явление чистого искусства, графическая игра, которой — на протяжении короткого промежутка времени во второй половине XI в. — предавались молодые клирошане Софийского собора, открывая для себя разнообразие возможностей еще совсем недавно освоенной технологии письма. Второе кажется более вероятным.

Кунирони и парехъ мари. Две загадочные надписи **коунирони** и **кюнирони**, впервые опубликованные в книге А. А. Медынцевой (№№ 69–70), оставались до последнего времени не интерпретированными,

вызывая полное недоумение исследователей странностью своего звучания. Новое обращение к надписям алтарной части собора выявило факт, лишь усиливший это недоумение: как оказалось, в действительности этот текст более сорока (!) раз начертан на двух соседних плоскостях (северной стене дьяконника и западной стене прохода из дьяконника в алтарь), не встречаясь более нигде. Своеобразное дополнение к этому необычному комплексу составила столь же загадочная надпись **парехъ мари**, реконструированная благодаря сопоставлению двух фрагментированных «копий», обнаруженных на тех же двух стенах.

Общее решение для этой двойной загадки было недавно предложено Й. Схакеном и Х. Гзеллой. Гипотеза, изложенная в работе [Gippius, Gzella, Mikheev, Schaeken 2012], трактует обе надписи как семитские. Надпись **коуни рони** была интерпретирована как сделанная с одной ошибкой (*n* вместо *m*) транслитерация слов *qūmī ronī* ‘встань, воскричи’, которыми начинается 19-й стих 2-ой главы библейского Плача Иеремии. Появление и многократное воспроизведение этого текста в дьяконнике собора мы связали с захватом Новгорода и разграблением св. Софии Всеславом Полоцким в 1066 г., — событием, которое могло восприниматься по аналогии с разрушением Иерусалима. Второе граффито — **парехъ мари** объясняется как кириллическая передача сирийской литургической формулы *barrek mār* ‘Благослови, Господи!’.

Указанная интерпретация надписи **коунирони** была практически сразу же оспорена С. Ю. Темчиным, обнаружившим данное слово (в форме *кунирони*, также представленной среди многочисленных копий граффито) в приписанной на полях Минеи XII в. на август (ГИМ, Син. 168, л. 71об.) стихире Максиму Исповеднику: «Дньсь благоизвольною кунирони да похвалимъ Максима...». *Кунирони* стоит здесь вместо *кинврою*, формы Тв. ед. грецизма *кинвρα* (*κινύρα*), в свою очередь передающего др.-евр. *kinnor* — название ветхозаветного струнного музыкального инструмента [Темчин 2013, в печати]. По мысли С. Ю. Темчина, встреченное в тексте стихире незнакомое слово, обозначавшее инструмент, подобный столь популярным в Новгороде гуслим, так привлекло внимание софийских клириков, что было многократно воспроизведено на стене дьяконника. Если принять эту точку зрения, граффито нужно рассматривать как носящее игровой характер. Этим, в принципе, неплохо объяснялось бы соседство данного граффито с комплексом надписей-монограмм.

Невозможно, однако, не заметить, что в новой трактовке надпись оказывается содержащей уже не одну, а целых три ошибки против правильного написания. Если бы не блестящая находка С. Ю. Темчи-

на, предположение о связи граффито с греч. *κινύρα* никогда не могло бы быть высказано. Механизм ошибки, допущенной в протографе стихире писцом XI в., труднообъясним: чтобы получить *кунирони* из *кинурию* (или *кинуроуж*), нужно было не только переставить местами гласные первых двух слогов, но и заменить окончание *-ю* грамматически бессмысленным *-ни*. Между тем, такая ошибка — подмена одного непонятого слова другим — была бы вполне объяснима под пером писца — клирика Софийского собора, до этого неоднократно встречавшего последовательность *кунирони* на стене в дьяконнике. Такую возможность С. Ю. Темчин не рассматривает, хотя она далеко не кажется невероятной. Тем более, что для надписи **парехъ мари** версия о сирийском происхождении остается пока не имеющей видимой альтернативы. Обсуждение этих двух граффито, по-видимому, еще будет продолжено.

Из других надписей, выявленных в алтарной части собора, отметим следующие. На северной стене дьяконника выделяется сделанная крупными буквами и полностью сохранившаяся надпись: **[ш]ест[ъ д]иа[къ | к]ниг[ы] емали**. О характере увековеченной таким образом операции можно строить догадки: речь могла, например, идти о поездке в Киев за литургическими книгами (таким путем в Новгород мог попасть и оригинал Остромирова Евангелия). Замечательно также упоминание о том, что дьяков было шесть, — такое же их количество выступает в берестяной грамоте № 855 середины XII века (ср. [Зализняк 2004а: 326–327], с иной интерпретацией). Левее надписи шести дьяков читается стандартное по содержанию, но чрезвычайно изящное по форме граффито: **Гѣ помози рабѣоу своему грѣш(ь)номоу Ол-къ(си)ж. О м(о)лж | ти са гѣ!** Такую же кольцевую композицию демонстрирует и надпись, находившаяся на втором этаже собора и прочитанная по кальке В. В. Сулова: **гѣ помило(у)и ме|н(е) грѣ(шь)нааго. Теб(ъ) бо лѣтъ, гѣ!** (вторая фраза содержит редкое наречие *лѣтъ* ('возможно') и означает: 'Ибо это в твоей власти, Господи!').

Интересна в лингвистическом отношении надпись: **Нашьке кло-ни воды** (также на северной стене дьяконника). Ранее не встречавшееся имя *Нашко* уже после прочтения этого текста было распознано в берестяной грамоте № 966 XIII в. [Зализняк, Янин 2009: 8–9]. В нашем тексте *Нашьке* может быть вокативом — тогда перед нами шуточное обращение-дразнилка: 'Нашко, клюнь воду!'. Между тем, новгородским писцовым книгам конца XV в. известен человек с прозвищем *Клюйвода* [Тупиков 1903: 238], представляющим собой образование той же структуры, что и фамилии типа рус. и укр. *Варивода*,

укр. *Непійвода, Подопригора, Убійвовк*, серб. *Газивода* ('топчи' + 'вода'), *Мутивода* (ср. [Селищев 2003/1948: 404, 410; Унбегаун 1995/1972: 223]). Возможно, поэтому, что и в нашем граффито фигурирует прозвище, в составе которого, однако, выступает не застывшая форма именительного падежа при императиве, а еще закономерный генитив.

В свете новых находок получает объяснение и имя *Нашько*: в нем следует видеть гипокористику от имени типа **Нашьгость*, обладатель которого оставил два автографа в южной галерее (Мартирьевской паперти) собора: **Нашго(с)те** и **Нашегост**. Этот ранее не известный антропоним входит, с одной стороны, в ряд двукорневых имен со вторым элементом *-гость* (или *-гость*), а с другой стороны — в группу имен с личным местоимением в роли первого элемента, ср.: имя **Naš(ь)měrъ*, реконструируемое на основании ойконима *Našiměřice* в Моравии, который в источниках XIII в. фигурирует как *Nasmariz / Naschmerische / Nasmeritz* [Černý, Váša 1907: 104]⁵, то есть без соединительного гласного; имя **Наш[ьго]и** в глаголической надписи в лестничной башне [Михеев 2012]; имена на *Моу-* (*Моуславъ, Моумиръ*). Он также проясняет структуру имени <*Намньтъгъ*> (извлекается из отчества *Намньжичъ (Намньжичья)* в НПЛ под 1215 г.), позволяя трактовать его первый элемент как форму дат. падежа личного местоимения 1-го лица *мы*.

Невдалеке от надписи *Нашка* (на той же северной стене дьяконника) расписался носитель еще одного редкого имени на *-гость* — **Оргость**. Это имя было до сих пор известно только из «Повести временных лет», где его носит упоминаемый под 1101 г. боярин Владимира Мономаха, а также по названию города на Черниговщине *Оргоуць* (возможно, обязанного своим названием тому же лицу). В работе [Стрижак 1985: 95–96] первая основа этого имени определяется как глагольная и связывается с *орати*. Более естественно, на наш взгляд, предполагать в ней существительное *орь* 'конь, жеребец' (ср. сходные имена **Тур(о)гость* [Васильев 2005: 154] и др.-исл. *Úlfgestr* от *úlf* 'волк' и *gestr* 'гость').

Отдельную категорию надписей в алтарной части храма составляют литургические возгласы: **ако твоа дръжава...**, **ако ты еси цръ...**, **ако благыи члѣколюбивыи...** В одном случае писавший воспроизвел фрагмент сценария службы, указав, кому принадлежат произносимые возгласы: **«Въньмѣ<мъ>! По": «Миръ всѣ»». Диа": «Моудрост<ъ>», | «Моудро<тъ>, въньмѣ!», | «Моудро<тъ>, прости!»**. На фоне таких

⁵ Авторы признательны С. С. Скорвиду за консультацию по этому вопросу.

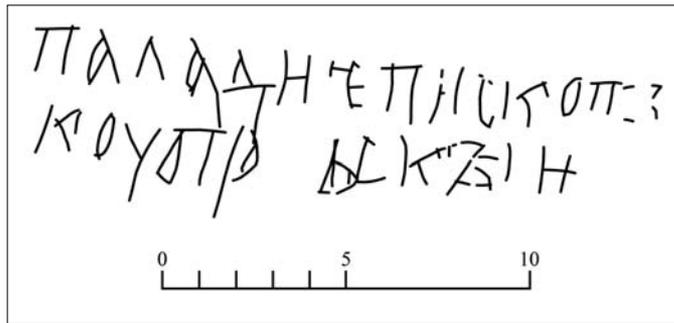

Рис. 5. Надпись епископа Палладия

стандартных формул выделяется граффито с цитатой из Апостола: и[с т](ьмы) свѣтѣ въ(си)ати, ср. «бѣ рекѣи ис тмы свѣтѣ въсѣати, иже въсѣа въ срѣцѣхъ нашихъ» (2 Кор. 4: 6; по Острожской библии).

На западной стене прохода из алтаря в дьяконник читается сделанная крупными буквами надпись № 75 по А. А. Мединцевой, в издании разобранная не полностью. В действительности ее текст гласит: **Паллади епископъ | коупрьскыи** (рис. 5). В новом прочтении граффито приобретает значительный исторический интерес. Среди почитаемых православной церковью святых кипрский епископ Палладий отсутствует, и надо думать, что надпись имеет в виду реальное историческое лицо, являясь таким образом важным свидетельством церковных контактов Новгорода с Кипром во второй половине XI — начале XII в.

Выше надписи Палладия процарапано изображение большой длинноногой птицы, а справа — фигура человека, стреляющего в нее из лука (от последней сохранилась лишь нижняя часть). Смысл композиции проясняет надпись: **О(х)ъ Чижо(у)! и жеравъ [о]устрѣлив(-----) | дѣтин[а ав]и** (т в слове *дѣтина* исправлено из *д*). Уже упомянутый как автор одной из монограмм Чиж сетует на свои злоключения: он подстрелил журавля (может быть, в чужом охотничьем уголье), а «детина» сообщил об этом. Ирония случившегося — одна «птица» подстрелила другую — не прошла незамеченной: кто-то из коллег Чижа написал под горлом у журавля: **(Ч)иж|евъ дроугъ** (рис. 6).

Намного более серьезную коллизию зафиксировала надпись, сделанная на небольшой высоте от уровня древнего пола и кем-то тщательно зачеркнутая. Надежно читается первая фраза: **Шести днь | поста жьгоша Далатж**. Имя *Далята* было и раньше известно по надписи на одной из стен на втором этаже собора (№ 158 по А. А. Ме-

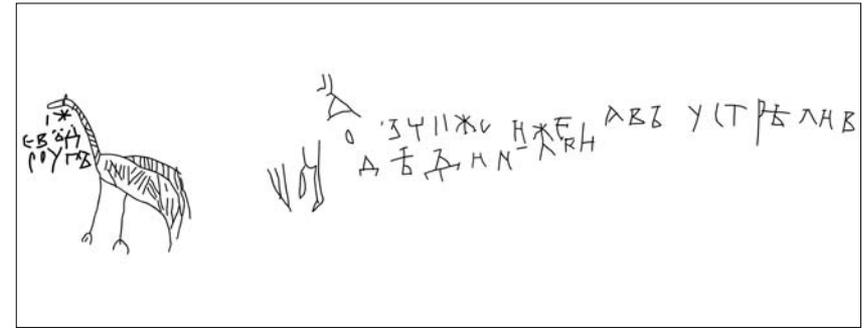

Рис. 6. Надписи о Чиже и журавле (с изображением)

дынцевой): **Далата пьсаль слова** (под «словами» имеются в виду два красивых книжных инициала, начертанные рядом). Еще один автограф того же лица обнаружен в Мартирьевской паперти. Далята явно принадлежал к клиру Софийского собора; сообщение о поджоге его двора (именно так, скорее всего, следует понимать слова «жгоша Даляту») напоминает о непростых условиях, в которых церковная организация Новгорода находилась во второй половине XI в. (ср. хотя бы рассказ «Повести временных лет» о языческом мятеже 1071 г.).

Еще ниже, чем надпись о поджоге двора Даляты, и несколько правее ее изображена фигура человека в церковном облачении, с трикирием в правой руке и кадилницей в левой. По сторонам от головы изображенного читается надпись: **[ѳсл]ъ Мжтижирь** (рис. 7). Чрезвычайно оригинально графическое решение большого юса: его функцию выполняет сам портрет автора граффито — фигура человека с треугольной бородой и широко расставленными руками. Как и Далята, Мутижир уже встречался в эпиграфике Новгородской Софии: на одном из слепков с надписей, опубликованных В. Н. Щепкиным (№ XXV по В. Н. Щепкину, № 115 по А. А. Мединцевой), его

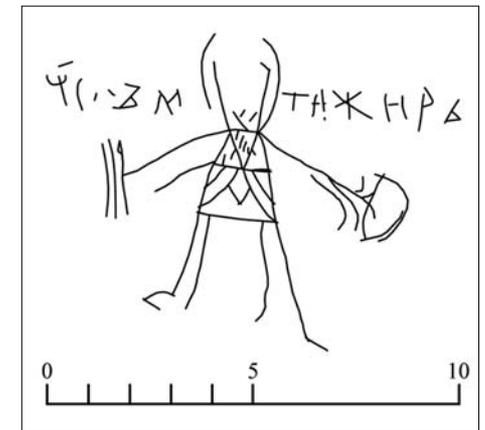

Рис. 7. Надпись и изображение Мутижира

имя выступает в сочетании с разительно контрастирующим с ним отчеством: **Мжтижирь Огаѡангеловице**. Правильно прочитанное Щепкиным, отчество Мутижира оказалось опущено в передаче текста граффито у А. А. Медынцевой. Исследовательница также предположила, что находящаяся в том же эпиграфическом поле надпись № 252, прочитанная ею как **сець во Гюргеѡе дворе**, была сделана много позже надписи Мутижира. В действительности, как удалось установить, мы имеем дело с двумя частями одной и той же надписи, сделанными разными почерками, но составляющими общий текст: **Мжтижирь Огаѡангеловице, | писець во Гюргеѡе дворѣ** (смена почерка произошла в середине второй строки граффито). Слово *писець* выступает в древнерусской деловой письменности как синоним слова *дьякъ*, при этом бесспорна изначальная принадлежность дьяков к церковной организации. В домонгольской Руси, еще не знавшей развитого аппарата светской бюрократии, функции писцов, как правило, выполняли лица духовного звания. Такими же, как Мутижир, клириками на службе у светской администрации были дьяки посадника Остромира, сделавшие свои записи в лестничной башне собора (**Петрь псаль, | Остромирь | диякъ. Аминь** — № 143 по А. А. Медынцевой) и в одном из помещений второго этажа: (**Про**)[х](о)[рѣ] **псаль, | (Ос)тромирь дѣакъ**. В книге А. А. Медынцевой надпись Прохора (№ 144) трактована как второй автограф Петра; в действительности, как выяснилось, дьяков у Остромира было по крайней мере два.

Имя самого Остромира также встретилось в новооткрытых граффито. Оно читается в сильно фрагментированной надписи, найденной в помещении напротив входа в лестничную башню. Записанный в четыре строки текст содержит перечень из примерно полутора десятков имен в именительном падеже. Из-за плохой сохранности штукатурки большая часть перечня прочтению не поддается; уверенно читаются имена **Петрѣла** (в 1-й строке), **Остромир-** (во 2-й) и **Коузьма** (в 4-й). Ниже надписи находится ряд из 20 вертикальных черт: подобные «частоколы», во множестве представленные в эпиграфике Софии Киевской (см. [Корнієнко 2010а: 381–391]), имеются и среди новгородских граффито; вероятнее всего, они обозначают число заказных поминальных служб по умершим⁶. Многочисленность имен в рассматриваемой надписи наводит на мысль, не имеем ли мы

⁶ В пользу такой интерпретации говорит в первую очередь надпись **Петрь Тоудорькоу** (дьяконник, юго-восточный подкупольный столб, южная лопатка, восточная грань), несомненно, связанная с нанесенным ниже частоколом верти-

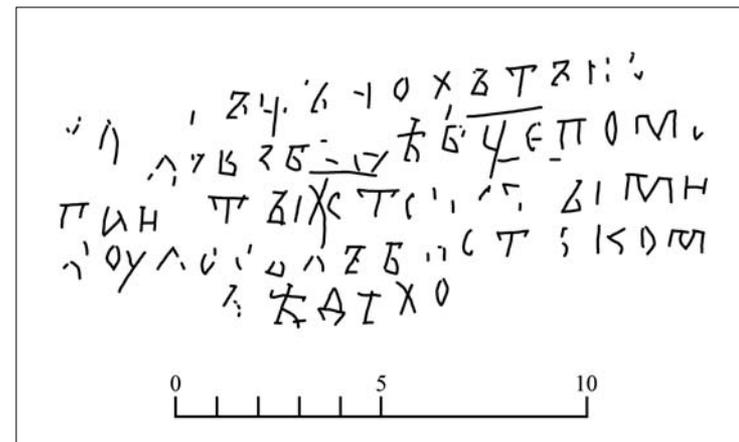

Рис. 8. Надпись Хотьна и Лбистка

дело со списком погибших в походе на чудь, в котором, по свидетельству летописей Новгородско-Софийской группы, был убит воевода (посадник) Остромир [НК1: 65]⁷. То, что имя Остромира стоит в списке не первым, могло бы объясняться в таком случае отражением хода событий (ср. описание Новгородской 1-й летописью последовательности истребления новгородского войска в походе на югру 1193 г.)⁸.

Почти полностью удалось восстановить сильно фрагментированную надпись на стене над нижней площадкой лестничной башни: **Ох(ъ) тьщно, Хьгъне | (фа)лъ въ бѣдѣ. Бѣе, помагаи! (и) ты Хѣте и сѣты Ми|коуло! Съ Лъбистьком | --- (въ) [б]ѣдѣ...** (рис. 8). С историко-культурной точки зрения здесь замечательно сочетание имен св. Николая Мирликийского (Николы — Микулы), Христа и Богородицы — древнейшее на сегодняшний день свидетельство объединения этих фигур в народном русском православии. С лингвистической точки зрения

кальных черт, многие из которых являются продолжениями вертикальных штрихов букв надписи.

⁷ Летописная дата похода — 1054 г. — является очевидным анахронизмом и возникла, скорее всего, в результате препарирования сводчиком XV в. не разделенного на годовые статьи древнего текста. В действительности чудской поход, в котором погиб Остромир, должен был состояться в конце 1050-х гг.

⁸ Не исключено, что к Остромиру относится и глаголическое граффито, обнаруженное на стене лестничной башни (над первой площадкой): **гѣи (помози) | раб(у своему) | Ио[с]и(фу)** [Михеев 2010а: 99; 2012]. Из записи Остромирова евангелия мы знаем, что именно так звали в крещении его заказчика.

представляет интерес имя писавшего. Форма *Хътъне*, с новгородским окончанием им. падежа *-е*, записана через два *ѣ*, из которых первый отражает древнюю огласовку корня, а второй (заменяющий *ь* в одноеровой орфографии надписи) показывает, что перед нами — не известное по берестяным грамотам отпричастное имя *Хотънь*, а вариант *Хътънь*, формально — прилагательное с суффиксом *-ьн-*. Этот вариант (представленный и в двух других надписях того же автора⁹) объясняет, почему былинный герой Хотен Блудович выступает в большинстве записей как Хотён. О первичности данной формы в былинной традиции говорит следующее обстоятельство. Невеста Хотёна носит в былине имя Чайна (*Ѓaj-ьн-а*), представляющее собой такой же адъективный дериват от *Ѓaj-a-ti*, каким *Хътънь* является по отношению к *хътъти*. Если бы героя звали *Хотънь*, имя героини было бы не *Чайна*, а *Чаяна* (ср. фамилию *Чаянов* от мужского варианта **Чаянь*)¹⁰. Имя второго из авторов надписи — *Лъбистъко* (прочитано А. А. Зализняком) — образовано от прилагательного *лъбистъ*; оно представлено в берестяной грамоте № 321 середины XIV века в форме *Лбиске* [Зализняк 2000: 98–99].

Существенно полнее прочитана теперь и группа надписей, сделанных также над нижней площадкой лестницы, но на ее внутренней (правой при подъеме) стене (см. публикацию: [Гиппиус, Михеев 2011: 50–55]. Из них примечательны архаичностью сочетания имен и отчеств автографы двух пономарей — Стевида Сестрятинича и Сватонега Радонежича. Имя второго пономаря, известное ранее по надписи, опубликованной В. Н. Щепкиным под № XVI (№ 104 по А. А. Медынцева)¹¹, до сих пор [Гиппиус, Зализняк 2004: 774] рассматривалось как содержащее корень *свят-* (с отвердением *в'*). С большим основанием, однако, в нем можно видеть параллель к имени *Братонъгъ*, известному по гипокористике *Братонъжко* из берестяной грамоты № 745 начала XII в. Аналогично, для имени *Уеньгъ* из грамоты № 663 второй половины XII в. (с первым компонентом *цј-* ‘дядя по матери’) находится эпиграфическая параллель *Стръеньгъ* (с первым компонентом *strěj-* ‘дядя по отцу’)¹². Совокупные показания

⁹ *Хотънь фль...* (№ 148 по А. А. Медынцева); *Хотънь ѿль въ бѣдѣ его...* (№ 200 по А. А. Медынцева, прочтение данной надписи уточнено А. А. Зализняком [2004б: 276]).

¹⁰ Именно так предлагал поправить имя Чайны А. И. Соболевский [2006/1910: 157].

¹¹ Ср. также [Рождественская 2004: 541].

¹² Надпись, содержащая производное от него отчество, была до сих пор известна по публикации В. Н. Щепкина (см. под № XXVIII), но связанного прочтения

надписей и берестяных грамот позволяют, таким образом, очертить контуры антропонимического гнезда, образуемого именами на *-ньгъ*, в которых в качестве первого компонента выступают термины родства.

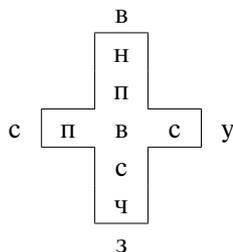
Из надписей в среднем уровне лестничной башни отметим граффито № 239, опубликованное А. А. Медынцева по фотографии слепка в следующей транскрипции: **Сь[м]ока ф(л)о | на кан[о]но р | мри дьс[г]ль**. Обнаружение оригинала граффито позволило уточнить чтение второй строки: **на каноуно** — и прочесть загадочную третью строку, которая в действительности имеет вид **мрьдъсать**. Перед нами комбинированная запись числительного ‘40’, в которой идеограмма **м** выступает с «фонетическим дополнителем», в данном случае — особенно пространным (ср. запись **мми** = *четырьмя десяти* в берестяной грамоте № 247 XI в.). Семка сделал свою запись в канун памяти Сорока святых, то есть Сорока севастиийских мучеников (9 марта). Надпись — раннедревнерусская (на что указывает сохранение слабого редуцированного), сделана в бытовой орфографии (с заменами *ѣ* → *о* и *е* → *ь*); соответственно, за написанием **мрьдъсать** стоит словоформа род. падежа *четыредесяте* — ранний пример композитной формы этого числительного, сохраняющей, однако, окончание консонантного склонения числительного *десять*¹³ (ср. [Зализняк 2004а: 133; Жолобов 2006: 268–270]).

Разгадка нашлась и для граффито № 241 по А. А. Медынцева (слева от окна над 6-ой площадкой лестничной башни), представляю-

не получила. По фотографии, обнаруженной в отчете Г. М. Штендера, текст удалось прочесть почти целиком: **Скхр- са о жениле апр^ма [кз] | Стръеньж[и]ць. | Бъ емоу помози!** ‘Скур- Строенежич женился 27 апреля. Помоги ему Бог!’. Имя женившегося было, вероятнее всего, *Скура* (вариант к *скора*, от которого образовано прилагательное *скурат*; ср. фамилию *Скуратов*). Нельзя полностью исключать того, что Строенеж был тем же лицом, что и уже упоминавшийся Строй, оставивший глаголический автограф в южной галерее собора.

¹³ Менее вероятно, что это <*четыредесяте*>, постольку в таком случае необходимо было бы предполагать омонимичность форм род. и им. падежа. Заметим, что другой «экземпляр» надписи того же Семки, находящийся выше первого и видный на кальке В. В. Суслова, содержит иную запись даты: **Сьмока ф[л]ъ | на каноуно | д̄ м̄о м...** Странное обозначение числа, следует здесь, вероятно, понимать следующим образом. За написанием **м̄о** стоит исходный вариант числительного *четыредесяте* (с заменой *ѣ* → *о*; далее, очевидно, следовало слово *м(оученикѣ)*). Чтобы подчеркнуть, что он имеет в виду именно этот, «правильный» вариант, писавший дополнительно поставил в начале записи цифру 4.

шего собой рисунок четырехконечного креста с вписанными в него, а также расположенными у лопастей креста буквами. Транскрипция надписи в издании позволяла прочесть лишь слово **спасу**, записанное по горизонтали. Как оказалось, два знака были опознаны неверно: буква в центре креста — не А, а В, а нижняя в вертикальном ряду — не У, а «у-образное» Ч позднего вида. Схема расположения букв приобретает таким образом, следующий вид:

В такой транскрипции значение надписи истолковывается однозначно: Буквы В, З, С и У у лопастей креста обозначают стороны света: *востокъ, западъ, северъ, угъ* (восток расположен сверху), а буквы Н, П, В, С, Ч, П и С внутри креста — дни недели: *недѣля, понедѣльникъ, вторникъ, среда, четвергъ, пятокъ, субота*¹⁴. Такое соединенное со знаком креста перечисление сторон света и дней недели выражает, как можно думать, идею универсальности основного христианского символа, вмещающего в себя всю полноту пространства и времени.

Важнейшим из эпиграфических памятников лестничной башни собора является надпись № 199, по А. А. Медынцевой, трактованная при первой публикации как загадка о колоколе. После выхода работы А. А. Зализняка [2004б: 242–247] прочтение граффито стало предметом беспрецедентного исследовательского штурма, основательно продвинувшего вперед понимание этого сложнейшего текста (см. работы: [Зализняк 2005; 2006; Михеев 2006; 2010а: 92–96, Чернов 2006: 291–320, Медынцева 2006]). На сегодняшний день наиболее адекватной нам представляется следующая транскрипция граффито:¹⁵

¹⁹ Сокращенная запись дней недели напоминает известное граффито **не по у се чь | па су** из церкви Спаса на Нередице (см. [Рождественская 1989: 132]) — с той разницей, что в этой надписи слова сокращены до начальных слогов, тогда как в нашем случае они обозначены начальными буквами.

²⁰ Подчеркиванием в тексте обозначены лигатуры.

- 1 голоде железньчъ
- 2 каман[е]и пьрьсѣ
- 3 си меданаа
- 4 голова лип(о)сѣ
- 5 ва челюсть зоусѣ
- 6 {е}б[е] ахидьне вороже
- 7 бесе сотона тать м[ы]сѣ
- 8 тарь иудо безакосѣ
- 9 ньнаа оу
- 10 ле[т]е дан-ле
- 11 б[р]атие ам{н}инь

Первое *e* в 10-й строке мы не видим возможности трактовать иначе, как ошибку — предвосхищение гласного следующего слога. Считая эту букву написанной вместо *ю*, мы реконструируем последнюю фразу в следующем виде: **Оу, л<ю>те Дан(и)ле, братие!** ‘О, горе Даниле, братья!’¹⁶. При такой реконструкции набор обличений, предшествующих данной фразе, предстает как хула на некоего Данилу, получая адекватное риторически завершение. Оказывается также возможным объяснить давно вызывавший удивление исследователей огромный размер буквы *d* в слове *Иудо*: эта буква, образующая визуальный центр всей надписи, может быть понята как идеограмма того же одиозного для автора имени, дополнительно подчеркивающая отождествление Данилы с Иудой.

Приведем текст надписи с делением на строки, отражающим его синтаксическую и смысловую структуру:

Голоде-железньчъ,
каман[е]и пьрьси,
меданаа голова,
лип(о)ва челюсть,
зоуб[е] ахидьне.

²¹ Буква *и* в слове *Дан(и)ле* могла составлять лигатуру с предшествующим *н*: лигатура *ни* — одна из самых распространенных, а в надписи имеются и другие лигатуры. Восклицательная конструкция «Оу, лють Х-у!» была хорошо знакома древнерусским книжникам. Ее находим, например, в Речи философа из «Повести временных лет», в цитате из пророчества Исайи (Ис. 3: 9–10): «Оу лють дѣши ихъ, понеже свѣтъ золь свѣщаша, рькуше: сважемъ прѣднка» [Лавр.: 101].

Вороже, бесе, сотона,
 тать, м[ы]тарь,
 Иудо безаконнаа!
 Оу, л<ю>[г]е Дан(и)ле, б[р]атие!
 Аминь.

Перевод: 'Голод-Железнец, каменная грудь, медная голова, липовая челюсть, зубы ехиднины. Враг, бес, сатана! Грабитель, мытарь! Иуда незаконный! О, горе Даниле, братья! Аминь'.

Композиционно текст членится на две части. В первой части перед читателем предстает гротескный образ Голода, персонифицированного в виде истукана, наподобие того, о каком говорит пророк Даниил (Дан. 2: 31–33; см.: [Зализняк 2004б: 245; 2005: 717]). При этом к деталям, фигурирующим в библейском описании (грудь и голова), добавляются более «специализированные» челюсть и зубы¹⁷.

Вторая часть носит характер открытого обличения. В последовательности хулительных эпитетов, с которыми автор обрушивается на своего супостата, проступает определенная логика. За наиболее общим понятием «враг» следуют «бес» и «сатана» как носители трансцендентного зла, а за ними — «тать» и «мытарь», конкретизирующие обличение, переводя его в социальную плоскость. В этой плоскости переосмысливается и постоянный литургический эпитет Иуды — «беззаконный», а само имя архетипического злодея, венчая каскад обличений, одновременно — своим гигантским «идеографическим» Д — предвосхищает раскрытие имени антагониста в заключительной фразе.

В пределах интервала, которым, по данным языка и палеографии, датируется граффито (1120–1220), можно указать исторический момент, когда соединение персонифицированного образа голода с обличением человека по имени Даниил должно было звучать чрезвычайно актуально. Мы имеем в виду события 1128 года, в котором Новгород пережил сильнейший голод, вызванный двухлетним неурожаем: «Въ се же лѣто лютѣ бяше: осминька рѣжи по гривнѣ бяше; и ядыху люди листь липовѣ, кору березову, инии молищъ истьлькъше, мятуце съ пельми и съ соломоу; инии ушь, мѣхъ, конину; и тако дру-

²² О сочетании *зоубе ахидьне* и слове *ахидь*, по-видимому, представляющем собой гибрид *ехидны* и *аспида*, см. [Михеев 2006: 99]. К сказанному в этой работе добавим пример из «Слова о трех мнихах» по списку XIV в., в котором ехидны фигурируют заодно с аспидами и при этом скрежещут зубами: «И змямь свистающим и съкрегчюши зубы аспиды, ехидны и ували» [Сл. РЯ XI–XVII, 5: 66].

гымъ падъшимъ от глада, трупие по улицамъ и по тѣргу и по путъмъ и всюду» [НПЛ: 22]. Жертвой голода стал и умерший в этом году посадник Завид Дмитриевич. Этот момент был избран центральной киевской властью для укрепления своего влияния в Новгороде. Сразу вслед за описанием голода, в статье мартовского 6637 г., Новгородская летопись сообщает: «Въниде ис Кыева Даниль посадничить Новугороду» [Там же]. Появление на посадничестве чужака, пришельца из Киева не могло не вызвать резкой оппозиции со стороны местной элиты. В условиях еще продолжающегося мора (который как раз весной 1129, т.е. в начале мартовского 6637 г., должен был достичь своего апогея), ответственность за него естественно было взвалить на киевского ставленника Данила. Можно думать, что именно эта связь и нашла выход в хулительных стихах, написанных кем-то из прихожан Софийского собора на стене лестничной башни¹⁸.

Тексты литературного и фольклорного характера представлены и среди надписей южной галереи (Мартирьевской паперти) собора. Наиболее значительный из них — надпись № 206, охарактеризованная Т. В. Рождественской [1994: 18] как «самостоятельное поэтическое произведение древнерусского внелитургического творчества». В отличие от только что рассмотренного граффито, в прочтение этой надписи нами внесены лишь несколько уточнений — важных, однако, для ее литературной и лингвистической интерпретации. Приведем текст с современной пунктуацией и конъектурами:

И пак(ы) ти рекоу, о доуше моа:
 Чемоу лежиши,
 Чемоу не въстанеши,
 Чемоу не молиши са
 Господоу своему днь и *ночь*¹⁹,
 Зьло видоучи,
 А добра не видоучи,
 Чоужемоу доброу²⁰ завидоучи,
 А сама добра не творачи?

²³ Особо обратим внимание на следующее обстоятельство. В процитированном выше летописном описании перечень того, что люди вынуждены были есть, спасаясь от голода, возглавляет *липовый лист*. Не этим ли объясняется наличие липовой челюсти у истукана-Голода?

²⁴ В тексте: *видоуч* — предвосхищение последующего *видоучи*.

²⁰ В тексте: *добро*.

Перевод: ‘И снова скажу тебе, о душа моя: почему лежишь, почему не встанешь, почему не молишься господу своему день <и ночь>; зло видя, а добра не видя, чужому добру завидуя, а сама добра не творя?’

Прочитанное в начале первой строки *И пакы* представляет текст как *повторное* обращение к душе, каковым он и является по отношению к гимнографическим образцам, указанным Т. В. Рождественской, в первую очередь — кондаку Великого канона Андрея Критского (ср. «Чемому не встанеш?» в надписи и «Доуше моя, доуше моя, встани, чьто дрѣмлеши?» в кондаке). Большой лингвистический интерес представляют причастия *видоучи*, *не видоучи*, *завидоучи*. Они не просто выступают с восточнославянским рефлексом *tj, но и демонстрируют ранее не известное образование действительного причастия глагола *видѣти* по атематическому типу (ср. форму императива *вижь*). Регулярным соответствием этой формы в им. падеже ед. числа муж. рода является форма *вида*, трижды засвидетельствованная в Лаврентьевском списке «Повести временных лет», но до сих пор игнорировавшаяся грамматическими описаниями древнерусского языка. См. подробнее: [Гиппиус, Михеев 2011: 40–41].

Нелегкой задачей оказалось прочтение длинной двухстрочной надписи, сделанной по фресковой штукатурке над левой частью композиции Деисуса 1144 г. (в проеме между лопатками северной стены южной галереи) и до сих пор не публиковавшейся. Текст не поддается членению на слова и синтагмы и производит впечатление полной бессмыслицы:

- 1 боу[бо]ротльль[т]абоу[б]оророу... ..a-----оубор[о] ...
- 2 [б]оуборомольбоуб[о]ровокор(о)[б]оу[ако]-----то

При ближайшем рассмотрении в этом словесном хаосе обнаруживается своя логика. Во-первых, обращает на себя внимание отсутствие в тексте сочетаний согласных — в нем представлены исключительно слоги структуры CV. Во-вторых, в надписи пять раз встречается трехсложный комплекс *боу-бо-ро*, обладающий следующей особенностью: его первый и второй слоги объединены общим согласным — б, а второй и третий — общим гласным — о; таким образом, первый и третий слоги, не имеющие общих букв, оказываются связаны через промежуточное звено, каким является слог *бо*. На «магическую» последовательность *боу-бо-ро* приходится половина всех сохранившихся букв надписи (30 из 60).

В организованном таким образом звуковом потоке вычленяются отдельные, грамматически не связанные друг с другом словоформы. Так, после *боу-бо-ро* в начале второй строки читается *мольбоу*, а далее — *борово*; при этом последний слог первого слова и первые два второго образуют очередное *боу-бо-ро*. Аналогичным образом, из открывающего строку *боу-бо-ро* «вырастает» словоформа *боромо* (Тв. ед. от *борѣ* в бытовой орфографии, с отражением отвердения конечного м’), которая затем «перетекает» в *мольбоу*. С таким же «нахлестом» из слова *борово* возникает последовательность *во коробоу*, а из нее — *боуяко* <боуякъ>, ср. диал. *буяк*, ‘племенной бык’ [СРНГ, 3: 334]. Возникает таким образом цепочка, звенья которой соединяются друг с другом и с «базисным» комплексом *боу-бо-ро* посредством общих элементов:

**боу(боро=боро)(мо=мо)ль(боу=боу)(боро=боро)(во=во)
коро(боу=боу)яко...²¹**

Такое кумулятивное построение сообщает тексту характер фольклорной заумы, глоссолалии, языковой игры²². В этом качестве надпись, очевидно, и следует рассматривать, сопоставляя ее с находящимся поблизости граффито № 153 по А. А. Медынцевой, откровенно фольклорного содержания, вызвавшим гневную ремарку зачеркнувшего его «цензора»: «оусохните ти роуки» (надпись № 154 по А. А. Медынцевой)²³.

²¹ Элементы подобной цепочки прослеживаются и в первой строке, но с некоторыми «сбоями»: из первого *боу-бо-ро* здесь «вырастают» (со снятием эффектов бытовой орфографии) Д. ед. <*ротъ*> (или И. ед. *ръте*), *тль* и *лтъа*. По видимому, в первой строке писавший еще только нащупывал принцип, более последовательно реализованный во второй.

²² Сходное игровое начало проявляется в берестяных грамотах мальчика Онфима, в упражнениях которого ряды букв и слогов, слова и отдельные синтагмы часто также «перетекают» друг в друга, связанные общими элементами. Так, недописанное *моли...* (*молимъ* или *молитва*) Онфим превращает в *личе твоє* (№ 207), а изобразив годовую дату и написав *на соб...* (вероятно, имея в виду *на соборѣ*), начинает с б ряд слогов: *ба, ва, га, да...* (№ 206). В последовательности *...гословоплоц...* (№ 331) соединены, по-видимому, недописанное *благослов(и)*, *слово* и *воплоц(ение)*. И т. д., см. [Гиппиус 2004: 219]. (Грамоты Онфима относятся к середине XIII в.)

²³ Возможно, неслучайно, что в том же архитектурном контексте находится и единственное в Софийском соборе граффито, записанное зеркально, справа на-

Тем же «цензором», возможно, был вымаран и текст, читаемый на фрагменте фресковой штукатурки, происходящем из раскопок в Мартирьевской паперти, производившихся в 1946 г. А. Л. Монгайтом (Новгородский музей, № НВ 18528/197). Он представляет собой левую часть двух надписей, находящихся одна под другой, но сделанных разными почерками. Первая, двустрочная надпись представляет собой обычный молитвенный автограф: **ГѢ ПЪМ(ОЗИ РАБОУ) | СВОЕМОУ Л[ОУ](ЦЪ)**. Вторая надпись, которая и была объектом вымарывания, имеет следующий вид (без конъектур):

- 1 роб[ѣк]а
- 2 гос[п]-дын[и]
- 3 кра[сн]а люб...
- 4 воноутрен...
- 5 моимъа(...)
- 6 --[а]ре(...)

Судя по тому, что в первой строке читалось только одно слово, остальные строки также были короткими. Действительно, добавив всего одну букву в конце второй строки и три — в конце пятой, получаем связный текст весьма предосудительного содержания: **Роб[ѣк]а | гос[п](о)дын[и], | кра[сн]а, люб(а) | воноутрен(имъ) | моимъ, а ... Воноутрен(имъ) моимъ** следует, очевидно, понимать как форму дат. падежа множ. числа субстантивированного *въноутрѣняя моя*, выступающего в церковнославянских текстах как обозначение духовного естества человека, синоним души, сердца. Надпись, таким образом, переводится: ‘Робка госпожа, красива, любя нутру моему...’²⁴. С а, очевидно, начиналась новая фраза. Последняя строка допускает реконструкцию **(с)[т]аре[ц](ѣ)**, что может относиться уже к мужу госпожи (‘а господин — старец’). Куртуазность ситуации кажется

лево. В уточненном по сравнению с первой публикацией виде оно читается: **ГѢ ПОМОЗИ РАБОУ СВОЕМОУ | Санъдоусоу**. Имя автора имеет тюркское происхождение; его носитель упоминается в Ипатьевской летописи под 1159 г., где говорится об убийстве половецкого князя Сантуза. Граффито оказывается, таким образом, ценным свидетельством присутствия в Новгороде в домонгольскую эпоху тюркского этнического элемента (см.: [Гиппиус, Михеев 2011: 45–46]; о новгородских тюрках см. также: [Гиппиус 2012]).

²⁴ Если начало надписи прочтено верно, то перед нами древнейшая фиксация слова *робѣкъ* (впрочем, сомневаться в его древности не приходится, ср. глагол *робѣти* [ЭССЯ, 32: 113]; ср. также [Фасмер, III: 487]).

необычной для древней Руси, однако наличие в окружении надписи других текстов заведомо светского характера поддерживает реконструкцию — как и тот факт, что надпись была впоследствии вымарана.

Не меньший интерес представляет и другой фрагмент фресковой штукатурки из раскопок А. Л. Монгайта. Он содержит срединные части двух строк, из которых вторая написана более крупно, но, возможно, тем же почерком, что первая:

...[в]оноукъбабѣб...
...лаемоут...

К счастью, двенадцать букв, сохранившихся от первой строки, позволяют не только восстановить фразу, но и атрибутировать текст. Перед нами — фрагмент загадки, входящей в апокрифическую «Беседу трех святителей», широко распространенную в русских списках начиная с XV в.: «Въпрос. Рече **внук бабѣ**: “Баба, положи мя у себе”. И рече ему баба: “Како ми тебе положити, а ты мя родиль”. Толк. Внукъ есть Христос, а баба земля» [Рождественская 1999: 356]. Учитывая, что текст загадки сильно варьирует в списках, допустимо предположить, что вторая строка надписи содержала ответ «бабы» в примерно следующей форме: «*И рекла ему: “Ты мя еси родиль, како ми тебе положити?”». Как и подавляющее большинство софийских граффити, надпись, скорее всего, датируется раннедревнерусским временем. Это делает ее самым ранним свидетельством бытования на восточнославянской почве если не самой «Беседы трех святителей», то текстов круга «монашеских игр» (Жоса монашогот), послуживших ее источниками (см. обзор западных и византийских параллелей к данной загадке: [Бабалык 2012: 189–196]). Фривольный характер загадки подтверждает принадлежность граффито тому же историко-культурному контексту, что и предыдущий текст.

Новые эпиграфические находки были сделаны в ходе подготовки свода и на внешних стенах собора. Наиболее значительной из них стало обнаружение на древнем западном фасаде храма (в настоящее время — восточной стене придела свв. Гурия, Самона и Авива) ростового изображения Христа и надписи над ним: **ГѢ ПОМОЗИ РАБЪ СВОЕМЪ | ПЕТР (sic!) и сватаа Соѡиа** (рис. 9). Граффито находится на высоте 5 м над поверхностью земли и могло быть прочерчено лишь со строительных лесов, возможно, еще при строительстве Софийского собора. Рисунок является одним из трех известных на Руси изображений

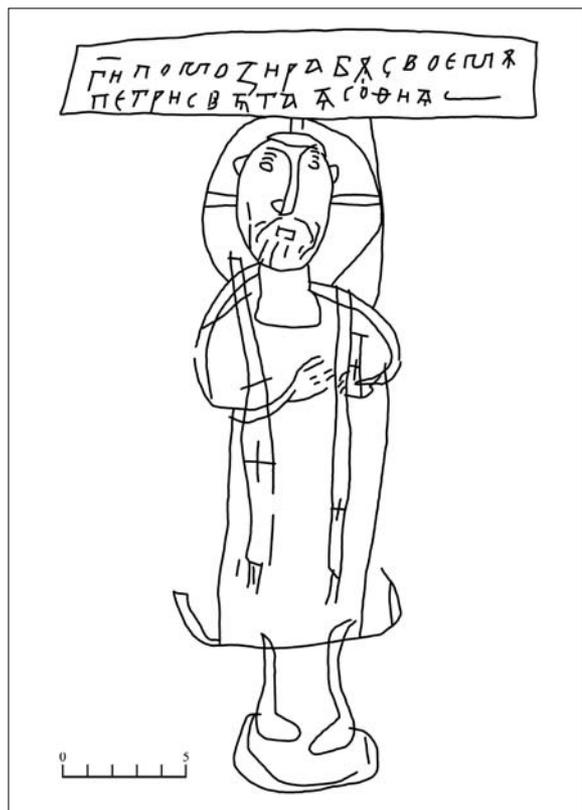

Рис. 9. Надпись Петра с изображением Христа-иерея

Христа-иерея²⁵ и, в сочетании с обращением к святой Софии, представляет определенный интерес для решения вопроса о том, какое догматическое содержание вкладывалось в это понятие в Новгороде.

Как видно из предложенного в докладе обзора, пополнение корпуса древненовгородских надписей новыми текстами и ревизия чтений опубликованных граффити ведут не только к количественному приращению однородных данных (вроде расширения фонда известных древнерусских имен), но подчас дает в руки исследователя принципиально новую лингвистическую или историко-культурную информацию. После публикации готовящегося свода круг доступных наблюдению (а также сохранившихся в виде калек и фотографий) надписей в Софийском соборе будет практически исчерпан. Не нуж-

³⁰ Благодарим за консультацию В. Д. Сарабянова.

но забывать однако, что большая часть поверхности древних стен собора в настоящее время остается скрытой под современным полом и слоем поздней штукатурки. Когда-нибудь она будет удалена, а уровень пола опущен, так что будущих исследователей ожидает еще немало эпиграфических находок и сюрпризов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабалык 2012 — *Бабалык М. Г.* Апокриф «Беседа трех святителей» в русской рукописной книжности: Исследование и тексты. [Saarbrücken], 2012.
- Бобровский 2010 — *Бобровский Т.* Бреши в корпусе (Заметки о монографии В. В. Корниенко «Корпус граффити Софії Київської») // *Ruthenica*. Т. IX. Київ, 2010. С. 110–130.
- Васильев 2005 — *Васильев В. Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005.
- Высоцкий 1966 — *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. Вып. I: XI–XIV вв. Киев, 1966.
- Высоцкий 1976 — *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976.
- Высоцкий 1985 — *Высоцкий С. А.* Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985.
- Гиппиус 2004 — *Гиппиус А. А.* К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1997–2000 гг.) Т. XI. М., 2004. С. 183–232.
- Гиппиус 2012 — *Гиппиус А. А.* «Ильдятино селище»: Комментарий к новгородской берестяной грамоте № 71 // *Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археологии: Материалы XXIV Международной научной конференции.* Москва, 2–4 февраля 2012 г. М., 2012. С. 231–234.
- Гиппиус, Зализняк 2004 — *Гиппиус А. А., Зализняк А. А.* Надписи-граффити в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря // *Лифшиц Л. И., Сарабянов В. Д., Царевская Т. Ю.* Монументальная живопись Великого Новгорода. Конец XI — первая четверть XII века. СПб., 2004. С. 774–777.
- Гиппиус, Михеев 2011 — *Гиппиус А. А., Михеев С. М.* Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Часть III // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2011. № 2 (44). С. 37–57.
- Жолобов 2006 — *Жолобов О. Ф.* Числительные. (Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В. Б. Крысько. Т. IV.) М., 2006.

- Зализняк 2000 — *Зализняк А. А.* Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1990–1996 гг.) Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. Т. X. М., 2000. С. 82–122.
- Зализняк 2004а — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
- Зализняк 2004б — *Зализняк А. А.* К изучению древнерусских надписей // *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1997–2000 гг.) Т. XI. М., 2004. С. 233–287.
- Зализняк 2005 — *Зализняк А. А.* Заклинание против беса на стене новгородской Софии // *Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой.* М., 2005. С. 711–719.
- Зализняк 2006 — *Зализняк А. А.* Еще раз о надписи № 199 из Новгородской Софии // *Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова.* М., 2006. С. 20–42.
- Зализняк, Янин 2009 — *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2008 г. // *Вопросы языкознания.* 2009. № 4. С. 3–12.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. Изд. 2-е / Пригот. к печати А. А. Шахматовым. СПб., 1908.
- Корнієнко 2010а — *Корнієнко В. В.* Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. I: Приділ св. Георгія Великомученика. Київ, 2010.
- Корнієнко 2010б — *Корнієнко В. В.* Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. II: Приділ свв. апостолів Петра і Павла. Київ, 2010.
- Корнієнко 2011 — *Корнієнко В. В.* Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. III: Центральна нава. Київ, 2011.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1–2. Изд. 2-е / Под ред. Е. Ф. Карского. Л., 1926–1927.
- Медынцева 1978 — *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора: XI–XIV века. М., 1978.
- Медынцева 2006 — *Медынцева А. А.* «Идол железный» или колокол? (по поводу прочтения надписи № 199 из Софии Новгородской) // *Христианизация Руси — России.* М., 2006. С. 38–52.
- Михеев 2006 — *Михеев С. М.* «Голоде железне»: К чтению граффито № 199 новгородского Софийского собора // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2006. № 3 (25). С. 91–105.
- Михеев 2010а — *Михеев С. М.* Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Часть I // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2010. № 2 (40). С. 91–102.
- Михеев 2010б — *Михеев С. М.* Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Часть II // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2010. № 3 (41). С. 74–84.

- Михеев 2012 — *Михеев С. М.* 22 древнерусских глаголических надписи-граффити XI–XII веков из Новгорода // *Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu.* Zagreb, 2012. 62. S. 63–99.
- НК1 — Новгородская Карамзинская летопись. Первая выборка // *Полное собрание русских летописей.* Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись / Подг. текста А. Г. Боброва и З. В. Дмитриевой. СПб., 2002. С. 21–97.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М., 1950.
- Рождественская 1989 — *Рождественская Т. В.* Эпиграфика и книжная культура древнего Новгорода // *История и культура древнерусского города.* [М.], 1989. С. 128–133.
- Рождественская 1994 — *Рождественская Т. В.* Эпиграфические памятники Древней Руси X–XV вв. (проблемы лингвистического источниковедения): Диссертация в форме научного доклада д. филол. наук. СПб., 1994.
- Рождественская 1999 — Из «Беседы трех святителей» / Подг. текста М. В. Рождественской // *Библиотека литературы Древней Руси.* Т. 3: XI–XII века. СПб., 1999. С. 350–358.
- Рождественская Т. В. 2004 — *Рождественская Т. В.* Новонайденные древнерусские надписи-граффити Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора // *Труды Отдела древнерусской литературы.* Т. LV. СПб., 2004. С. 536–548.
- Селищев 2003/1948 — *Селищев А. М.* Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ // *Селищев А. М.* Труды по русскому языку. Т. 1: Социолингвистика. М., 2003. С. 387–422.
- Сл. РЯ XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1971–2011—. Вып. 1–29—.
- Соболевский 2006/1910 — *Соболевский А. И.* Заметки о собственных именах // *Соболевский А. И.* Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. М., 2006. С. 149–167.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров.* Вып. 1–2. М.; Л., 1965–1966; Вып. 3–26. Л., 1968–1991; Вып. 27–43—. СПб., 1992–2010—.
- Стерлигова 1996 — *Стерлигова И. А.* Памятники серебряного и золотого дела в Новгороде XI–XII вв. // *Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV века.* М., 1996. С. 26–68.
- Стрижак 1985 — *Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / Відп. ред. О. С. Стрижак.* Київ, 1985.
- Темчин 2013 — *Темчин С. Ю.* Греческий гебраизм «кунирони» в граффито XI века Новгородской Софии и церковнославянская гимнография // *Восточная Европа в древности и средневековье. [...] XXV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто,*

- Москва, 17–19 апреля 2013 г.: Материалы конференции. М., 2013 (в печати).
- Трубачев 1959 — *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
- Туников 1903 — *Туников Н. М.* Словарь древне-русских личных собственных имен. СПб., 1903. (Репринтное издание: М., 2005.)
- Турилов 2000 — *Турилов А. А.* Заметки о киевских граффити // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. <2000>. М., 2000. С. 26–58.
- Унбегаун 1995 /1972 — *Унбегаун Б.-О.* Русские фамилии. Изд. 2-е, испр. / Пер. с англ. Общ. ред. и послесл. Б. А. Успенского. М., [1995].
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4 / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Изд. 2-е, стереотипное. М., 1986–1987.
- Щепкин 1902 — *Щепкин В. Н.* Новгородские надписи Graffiti // Древности: Труды Императорского московского археологического общества. Т. 19. Вып. III. М., 1902. С. 26–46.
- Чернов 2006 — *Чернов А.* Хроники изначного времени: «Слово о полку Игореве»: Текст и его окрестности. СПб., 2006.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–38—. М., 1974–2012—.
- Янин 1992 — *Янин В. Л.* Эпиграфические заметки // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 21–36.
- Янин 2001 — *Янин В. Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.
- Černý, Váša 1907 — *Černý F., Váša P.* Moravská jména místní: Výklady filologické. V Brně, 1907.
- Gippius, Gzella, Mikheev, Schaeken 2012 — *Gippius A. A., Gzella H., Mikheev S. M., Schaeken J.* The oldest traces of Semitic (Hebrew and Syriac) in early Rus': two inscriptions in the St. Sophia Cathedral in Novgorod // Russian Linguistics: International Journal for the Study of Russian and other Slavic Languages. Dordrecht; Boston, 2012. Vol. 36. No. 3. P. 271–284.
- Seibt 1999 — *Seibt W.* Monogramm // Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Bd. VI. Stuttgart, 1999. S. 589–614.

АННОТАЦИЯ

Авторами в основном завершена подготовка свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора. Свод включит в себя более 700 надписей, из которых около 450 публикуются впервые.

В докладе приводится около 50 наиболее значительных надписей, выявленных впервые в ходе работы над сводом или же прочитанных существенно более полно по сравнению с предыдущими публикациями. Это, в частности, уникальный в ранней восточнославянской традиции комплекс надписей-монограмм; многочисленные надписи с незафиксированными ранее или редкими славянскими именами и прозвищами: *Доушьнь, Затъхъ, Лъбистъко, Мечиславъ, Нашьгостъ, Орьгостъ, Побратъ, Поутъка, Събродъ, Хотънь, Чижь, Чъртъко, Стръи, Стръеньгъ, Сватонъгъ* и др.; интересные надписи литургического характера; оригинальные рисунки с подписями. Особую ценность представляют граффити, содержащие новую историческую информацию: надпись, свидетельствующая о посещении Новгорода кипрским епископом по имени Палладий; надпись о поджоге двора Даляты (предположительно клирика Софийского собора); надпись Мутижира Огафангеловича, писца во дворе Гюргия; надписи двух (а не одного, как считалось ранее) дьяков посадника Остромира; длинный перечень имен с упоминанием Остромира; надпись-загадка о Христе и земле, известная из апокрифической «Беседы трех святителей» и др. Стратиграфический и палеографический анализ свидетельствуют, что более половины граффити Софии Новгородской датируется второй половиной XI — началом XII века.